

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 17 (1128).

Воскресенье, 22 апреля 1945 г.

Цена 45 коп.

ПОД ЗНАМЕНЕМ ЛЕНИНА

Безличие нашей страны, сила нашего советского строя, нашего государства, нашей социалистической экономики и культуры сейчас очевидны для всего мира. Советский народ вынес основную тяжесть борьбы с вооруженными до зубов фашизмом, принял на себя удар главных сил врага, «советский народ своей самоотверженной борьбой спас цивилизацию Европы от фашистских погромщиков» (Сталин).

Неносильная для других стран борьба потребовала величайшего напряжения энергии и воли народа, стояла кровью многих лучших сынов страны.

Наш народ выдержал испытание счастью.

Ленину и созданной им партии, гениальному соратнику Ленина товарищу Сталину обязаны мы этим. «Лук великий Ленин и его победоносное знамя вдохновляют нас» (Сталин).

Величайший революционер и мыслитель, Ленин указал народу путь к победе над эксплуататорским строем. Ленин открыл новую советскую форму государства — самую широкую, самую гибкую организацию масс. Ленин начертал программу социалистического переустройства нашей Родины, осуществленную под руководством великого его ученика — Сталина.

Не будь Октябрьской социалистической революции, не будь за плечами нашего народа двадцатилетней, не знавшей еще примера в истории творческой стройки нашего государства, по гениальным предначертаниям и под руководством Ленина и Сталина, — и весь мир на долгие годы подпал бы под черную власть фашистского варварства.

По заветам Ленина, под руководством Сталина был осуществлен план великого строительства, превратившего нашу страну из эксплуатационной в могущественную державу.

По заветам Ленина, под руководством Сталина был совершен грандиозный переворот в деревне, в результате которого на смену отсталому крестьянскому хозяйству пришло самое первое, самое крупное обобществленное хозяйство.

По заветам Ленина, под руководством Сталина мы неустанно крепили союз рабочих и крестьян, дружбу между всеми народами нашей Родины.

По заветам Ленина, под руководством Сталина мы вынашивали нашу могучую Красную Армию.

Идеи Ленина — Сталина одержали грандиозную победу. Самоизвержение народной работы партии Ленина — Сталина привнесла замечательные плоды. Такой сплоченности, такого морально-политического единства, такого массового герояства, какое проявил советский народ в тяжелых испытаниях Великой отечественной войны, не знала история человечества.

Оправдывались мы папочкой великого учителя: «Никогда не побьют того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почтывали и уважали, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми сознаниями человеческого труда».

Ленин стоял на колыбели зарождающейся советской социалистической культуры. Он определил ее особенности, которые отличают новую советскую культуру от культуры прошлого.

Теперь говорил он, указывая на важнейшую решающую ее особенность: «все чудеса техники, все завоевания культуры станут общеноародным достоянием, и отныне никого человеческий ум и гений не будет обращены в средства насилия, в средства эксплуатации».

В советской социалистической культуре Ленин видел закономерное продолжение всего мирового развития, оплодотворяемое и оплодотворяющее борьбой народа за социализм, за новые формы и принципы жизни.

С гордостью и преклонением перед творческими смысльями тружащегося народа он говорил, что рабочие и крестьяне, взвинчив власть в свои руки, являются законными наследниками всего лучшего, что было создано человеческим гением под гнетом эксплуататорского строя.

Историческая жизнь нашего народа, предавшего величайшую из революций, открывшего новую эпоху в истории человечества.

Вече, создала особенно благоприятную почву для искусства. Никогда еще не была так интенсивна жизнь, недра народа, десятки миллионов людей, как в условиях советского государства. Идей, которыми вдохновлен труда и борьба народных масс советской страны, их чувства, мысли, воля — человеческая в самом глубоком и лучшем смысле этого слова. И когда Ленин во главу угла всех вопросов нового советского искусстваставил вопрос о народности, то он этим самым дал нам художникам самую жизненную для искусства идею. Историческая жизнь нашего народа дает художникам тот материал, из которого, как растение из семени, вырастает и вырастает величайшее искусство.

Великие идеи времени одни только могут едва-живить наше литературу и искусство на создание произведений, которых будут волновать народ, выражая его скрытые думы, наказывая необычайный подъем духовных сил народа, его беззаветную преданность социалистической Родине, волю к победе. Мелкие корыстные идеи сейчас больше, чем когда-либо, противны духу нашей литературы. Величайшее народное подвиг требует величия творческих стремлений, высокого подъема творческого духа, беззаветного служения народу.

Ленин писал о том, какой будет та новая свободная литература, которая откроется от наущенных вопросов жизни, что оно должно быть самым темным образом связано с ней.

«Искусство принадлежит народу», — говорил Владимир Ильин. — Оно должно выходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно обединять чувство, мысль и волю этих масс, поднимать их. Оно должно пробуждать в них художников и разывать их.

Чем ближе искусство к народу, тем больше его роли в жизни, тем выше художественное и общественное значение искусства.

Если посмотреть, как относится Владимир Ильин к различным явлениям литературы и искусства, то можно легко заметить, что ему чуждо было все случайное, наисхенное, занимавшее от всяких «модных» течений будничного искусства. Наоборот, Ленин особенно высоко ценил тех художников слова, те произведения, в которых он видел живую связь с народом, верное понимание национальной и временной идентичности.

Бытий день нашей эпохи, каждое новоеявление литературы и искусства подтверждает верность этих ленинских принципов. Лучшие произведения нашей литературы переносят свой нафту в «иное социализма и сочувствием трудающимся».

Бытий, занятых интересами, национальным отношением к жизни народа проникнуты лучшие произведения советской литературы.

Мы выходим победителями в смертельной борьбе с фашизмом. Каждый гражданин нашей страны с гордостью чувствует все возрастающую силу родной советской державы. И каждый честный труженик страны нашей с удовольствием согнает, что и его трудом, его участии, его волей и верой, его разумом, терпением, стойкостью, его самоотвержением и упорством, вращена эта великая сила. Мерой гражданского достоинства для человека стала его идентичность к делу победы.

Для советского писателя также нет и не может быть высшей цели и высшего удовлетворения, нежели служение своей Родине.

Дух великого Ленина, его победоносное знамя вдохновляли и будут вдохновлять советское искусство, как и всю советскую культуру, как и весь советский народ. Верная заветам своего вождя, советская литература будет служить «смыслом и деятелем миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность».

Ленинские имена искусства наши свое выражение в сталинском лозунге социалистического реализма — метода, обобщающего лучшие традиции русской классической литературы с принципами ленинско-сталинской идентичности и партийности искусства.

В центре нашей классической литературы и культуры советской эстетики стоит Человек. Наше искусство великое своей неизрекаемой любви людям, своим глубочайшим заинтересованностью в судьбах народа.

Писатель, по Ленину, должен быть в гуще той борьбы, которую ведет народ, он должен проникнуться теми идеями и стремлениями, которые волнуют массы. Возьмите его оценку повести «Мать» М. Горького или романа Арии Бартоша «В огне», или стихов Маяковского.

«Очень современная книга», — говорит он о «Матери» Горького, написанной в период революции 1905 года. «В огне» Арии Бартоша он считает роман, настолько поэтический и превосходящий поэтическим выражением творческий рост «революционного смысла в массах» в период пропасти мировой войны.

Говоря о стихах Маяковского «Проза-символисты», Ленин онят-таки подчеркивает действие, активные начала этих стихов, отвечающих духу и потребностям времени. Он расчищает их как борьбу поэта против «бломовщины — черты, недопустимы в людях новых, советской России».

Говоря о творчестве А. Серафимовича, он особенно подчеркивает, что его работы «смыкаются с народом».

Было бы вульгаризацией считать при этом, что Ленин придерживается здесь узко-литературной точки зрения на искусство. Нет, речь здесь идет не просто о том, чтобы искусство привносило пессимистическое впечатление.

Самые решающие моменты своей истории народ смыкается с Лениным. В сказке, записанной в Чкаловской области, Ленин выезжает на фронты гражданской войны. Он беседует с бойцами и усталость от походов и боев с них тонко рукой снимает. Ленин призывает к победе, и они ее завоевывают.

У народа с Лениным один язык, не-разрывны им души, надежды, чаяния.

В «Лыжных сказках рабочих Урала» говорится о том, как врачи народа посыпали на жизнь Ленина. «Порынья его, доктора рукачи разводят — что поделать, как лечить? — никого не придумают. А Ленин сам себе лежит».

Деревня Горки под Москвой, где жил и умер Ленин, в поэтическом народном ображении выросла в гору, да не в обычную опасность, сберегли от немецких сочинений Владимира Ильина.

«Вдой подорванный Ленин на ту гору, — ему весь мир виден. Все моря-океаны, все пиньи-земли, все племена-народы. Как посмотрит Ленин на трудающуюся народ, а они на него, — сразу здоровье к нему вернется, силы прибавятся, глаза зорче станут, а рука тверже и ловчее».

В поэтическом народном ображении Краснодона передавали друг другу азбуку Морзе, что на казнь они пойдут с любими песней Ленина — «Замучен тяжелым неволем». И действительно, они пели эту песню, героически умирая во имя свободы своей родины.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленинские требования народности в искусстве, знания жизни и искренности, горячего, страстного участия в народной борьбе, умение ставить бильные реалии, имеющие значение для всего нашего Истоку.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не ити вперед за читателем, а мыслить им же, вызывать новые вопросы, поставленные жизнью.

Ленин не раз указывал, что искусство должно быть близко и понятно массам. Но, подчеркивал Ленин, «надо быть немножко впереди». Это значит — не и

1.

В 1902 году Ленин писал:

«Мы переживаем бурные времена, когда история России шагает вперед с немыслимыми шагами, каждый год знанит иногда более, чем десятилетия мирных лет. Поводятся итоги полуслота: то строек, которые будут долго-долго определять судьбы всей страны». Демонстрации и демонстративные годы, ознаменовавшие собой переделом эпохи в истории России, являются гордами искрительно интенсивной борьбы общественно-политических и литературных направлений.

Цитированные Лениным в одной из статей о Толстом слова Ленина в «Анне Карениной»: «Все перерошитася и только укладывается»—можно встретить во всевозможных вариациях в журналах и газетах различных направлений.

Недаром Ленин определял дискуссию этого времени формулами «философская война» и «литературная война». В теоретических дискуссиях находила свое выражение борьба классов за дальнейшие судьбы страны. Вся история русской общественной мысли и русской культуры представлялась как процесс подготовки полного и действительного освобождения народа, созревшего для самостоятельного исторического творчества. Вопрос о том, «что делать?», волновавший многие поколения передовых людей России, вышел из области утопии, стал вопросом конкретного практического действия.

На арене истории выступил пролетариат—новая решавшая историческая сила,—и вся общественная ситуация резко изменилась. Размежевание политических направлений усилилось. И снова, как и в предыдущие эпохи, в годы обозначенные именами Пушкина и Гоголя, Белинского и Герцена, Некрасова и Чернышевского, выдвинулась вперед великая роль русской литературы.

Особенности исторического развития России, где в течение многих десятилетий общественная инициатива проявлялась наиболее свободно именно в литературе, привели к тому, что русские писатели, как никто в мире, созывали себя идеальными представителями народа.

О герониме писателей, находившихся в самые тяжелые для своей родины времена, говорил Пушкин, добавляя: «Не должно им малодушно неговать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды; все опасности и мечты».

Эта геронимская линия проходит через всю историю русской литературы, всегда отличавшейся «страстным стремлением к решению задач социального бытия». (М. Горький). Именно поэтому русская литература отличается благотвором идей, глубоким философским содержанием, органичностью связи художественного творчества и публицистики.

На первые двух эпох, в конце XIX в., литература уже не была «единственной трибуной». Рост массового революционного движения, возникновение партийного строя, распространение и победа марксизма, развитие илегальной пролетарской прессы—это существенно изменило роль литературы. Но и в новый исторический период литература продолжала оставаться могучим средством познания жизни и революционного воспитания масс.

Говоря о задачах русской социал-демократии, Ленин подчеркивал: «...роль борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов, писавшая впереди своего века, впереди всех избранников науки и техники—Ленин».

Исключиальная роль художественной литературы, критики и публицистики в общем идейном развитии передовых демократических течений XIX в. в России общеизвестна. Но те проблемы, которые были выявлены русской литературой, критикой публицистикой в XIX в., неставились актуальными для Ленина, так как проблема эти, отражавшие важнейшие противоречия русской жизни, в своем большинстве не были решены вплоть до пролетарской революции. Анализируя процессы, происходившие в сов-

◆ ◆ ◆

Рисунки художника Б. Дехтерева к книге А. Кононова «Шалаш» — о детских годах Владимира Ильича Ленина (Детях).

из основных признаков этого являлась особая, по сравнению с другими странами, исключительно тесная связь русской литературы с передовыми идеино-философскими направлениями русской мысли и с развертывающейся революционной борьбой. Смысл слов Ленина о значении, которое приобрела русская литература к концу XIX в., в полной мере раскроется перед нами, когда мы вспомним о тех направлениях, идейных исканиях, которые были свойственны всем передовым русским писателям, когда мы вспомним о том, что русская литература, в широком смысле слова, представляла собой как лабораторию, в которой критически проверялись и обогащались достижения теоретической мысли Запада и вырабатывались плодотворные новые идеи. Достаточно упомянуть в этой связи о критике зрелых Белинских реакционных и философских сторон Чернышевским различными реакционно-идеалистическими учениями, столь распространенных в его время.

Вполном и весторионем пониманием Ленин колоссальной общественной роли русской литературы заключается обяснение постоянного живущего интереса к нашей борьбе пролетарской революции. Проблемы русской литературы XIX в. в Ленине рассматриваются как проблемы не только исторические, но имеющие современное актуальное значение.

«В течение около полу века», — писал Ленин, — примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом навязанного дикого и реакционного царизма, жаждо искала пра-

вильной революционной теории, сдея с удивительным усердием и тщательностью за всякий и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области.

Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия понимала

всматриваясь в полувековой историей неслыханных муки и жертвы, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проповеди, сопоставления опыта Европы. Благодаря вынужденной царизмом эмиграции, революционная Россия обладала во второй половине XIX-го века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью, начертанной всемирными формами и теориями революционного движения, каких и раньше не было.

Почва для усвоения и развития учения великих основоположников научного социализма Маркса и Энгельса была подготовлена в России предшественниками русской социал-демократии. И разве не показательно, что Герцен скептицизм был формой перехода от поздней «академической» буржуазии демократизма к супрематичной, непобедимой классовой борьбе пролетариата; что Чернышевский знал самостьюю тем же путем, как Маркс и Энгельс, через синтез и критическую переработку трех источников: русской литературы, публицистики и критики, и, прежде всего, в Белинском, Герцене, Чернышевскому, предшественникам русской социал-демократии?

Блестящее знание русской литературы, тонкое восприятие ее, глубокое познание ее исторических и классовых корней — все это в полной мере сказалось в произведениях Ленина.

2.

Русская классическая литература была сильна критическим реализмом, смелыми и сильными обличениями всей несправедливости и жестокости старого строя, пропагнавла царского правительства, угнетавшего большинство. Ленин высоко ценил эту особенность творчества писателей и публицистов прошлого, их «бесшовный реализм», «сфранье всех и всяческих масок», их умение «различать под приглушенной напомаженной внешностью образованности крепостников-помешанцев его хищных интересов», их стремление научить общество «кничевидеть лицемерие и бездушие подобных типов». Требование от революционной партийной прессы «экспонировать все элементы политического недовольства», развить «страсбургскую литературу, обусловленную всемирно-историческое значение, как самой человечной, самой гуманной литературы. Передовая русская литература была силы своей открытой связью с массами, своей страстной, истинно революционной защитой коренных интересов народа. Для великих русских писателей литература была трибуной самых дорогих, заслуженных мыслей о путях жизни, о светлом будущем своей родины».

Эта черта русской литературы у Ленина получила высшее развитие в принципе партийности литературы. В ленинских работах с изумительной четкостью вскрыта была великая сила кровной, партийной связи передовых писателей с борьбой за освобождение народа, той нерушимой связью

длиной, которая связывает Ленина с

стариком Толстым: «Чтобы сделать ее великой литературу...

Издано, как высокое сознание гражданско-

го долга, присущее передовым русским писателям, глубочайшая их потребность неуклонно служить благу народа составляя ядро, на котором вращаются все силы в ее рядах. Это будет свободная литература, потому что она будет служить человеку в ее интересах, не скучавшим и спаздлившим от ожидания «верхних десяти тысяч», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность».

Эти определения Ленина получили значение программы. В советском государстве, созданном гением Ленина и Сталина, литература прибрела широчайшие возможности свободного развития, ибо ничто не препятствовало отысканию ее свободному, открытым изъявлению писателем своего партйности. Однако пристальное изучение трактовки Ленинским романтизма показывает, что он вносит дифференциацию в это понятие.

В книге «Что делать?» Ленин цитирует отрывок из статьи Писарева «Промысел неизвестной мысли» о разделе между мечтой и действительностью и о двух возможных выходах из этого разлада.

Перед тем как цитировать Писарева, Ленин иронически упоминает имя А. Мартина, запрещающего «мечтать» «без предварительного опроса комитетов партии», и это упоминание позволяет установить связь этого места с вопросом «как же берет установленные факты за критерий для определенного решения конкретного вопроса».

Ленин в «Что делать?» не только отвечает Мартину на эти упреки, но давал характеристику двух типов романтизма и защищал романтизм, соединенный с трезвым реалистическим отношением к действительности и с борьбой за осуществление революционной мечты.

«Разлад между мечтой и действительностью не приносит никакого вреда, если только мечтующая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно глядящая в лицо реальности, потому что она несет в себе свободного развития, ибо ничто не препятствует отысканию ее свободной, открытым изъявлению писателем своего партйности. Однако пристальное изучение трактовки Ленинским романтизма показывает, что он вносит дифференциацию в это понятие.

«Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социальной и сочувствие труженикам будущего противостоят движению вперед, и в ее рядах, на которых вращаются все силы в ее рядах, это будет свободная литература, потому что она будет служить благу народа, не скучавшим и спаздлившим от ожидания «верхних десяти тысяч», а миллионы и десятки миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность».

Эти определения Ленина получили значение программы. В советском государстве, созданном гением Ленина и Сталина, литература прибрела широчайшие возможности свободного развития, ибо ничто не препятствовало отысканию ее свободному, открытым изъявлению писателем своего партйности.

В книге «Что делать?» Ленин цитирует отрывок из статьи Писарева «Промысел неизвестной мысли» о разделе между мечтой и действительностью и о двух возможных выходах из этого разлада.

Перед тем как цитировать Писарева, Ленин иронически упоминает имя А. Мартина, запрещающего «мечтать» «без предварительного опроса комитетов партии», и это упоминание позволяет установить связь этого места с вопросом «как же берет установленные факты за критерий для определенного решения конкретного вопроса».

В книге «Что делать?» Ленин цитирует отрывок из статьи Писарева «Промысел неизвестной мысли» о разделе между мечтой и действительностью и о двух возможных выходах из этого разлада.

Перед тем как цитировать Писарева, Ленин иронически упоминает имя А. Мартина, запрещающего «мечтать» «без предварительного опроса комитетов партии», и это упоминание позволяет установить связь этого места с вопросом «как же берет установленные факты за критерий для определенного решения конкретного вопроса».

В книге «Что делать?» Ленин цитирует отрывок из статьи Писарева «Промысел неизвестной мысли» о разделе между мечтой и действительностью и о двух возможных выходах из этого разлада.

Перед тем как цитировать Писарева, Ленин иронически упоминает имя А. Мартина, запрещающего «мечтать» «без предварительного опроса комитетов партии», и это упоминание позволяет установить связь этого места с вопросом «как же берет установленные факты за критерий для определенного решения конкретного вопроса».

В книге «Что делать?» Ленин цитирует отрывок из статьи Писарева «Промысел неизвестной мысли» о разделе между мечтой и действительностью и о двух возможных выходах из этого разлада.

Перед тем как цитировать Писарева, Ленин иронически упоминает имя А. Мартина, запрещающего «мечтать» «без предварительного опроса комитетов партии», и это упоминание позволяет установить связь этого места с вопросом «как же берет установленные факты за критерий для определенного решения конкретного вопроса».

В книге «Что делать?» Ленин цитирует отрывок из статьи Писарева «Промысел неизвестной мысли» о разделе между мечтой и действительностью и о двух возможных выходах из этого разлада.

Перед тем как цитировать Писарева, Ленин иронически упоминает имя А. Мартина, запрещающего «мечтать» «без предварительного опроса комитетов партии», и это упоминание позволяет установить связь этого места с вопросом «как же берет установленные факты за критерий для определенного решения конкретного вопроса».

В книге «Что делать?» Ленин цитирует отрывок из статьи Писарева «Промысел неизвестной мысли» о разделе между мечтой и действительностью и о двух возможных выходах из этого разлада.

Перед тем как цитировать Писарева, Ленин иронически упоминает имя А. Мартина, запрещающего «мечтать» «без предварительного опроса комитетов партии», и это упоминание позволяет установить связь этого места с вопросом «как же берет установленные факты за критерий для определенного решения конкретного вопроса».

В книге «Что делать?» Ленин цитирует отрывок из статьи Писарева «Промысел неизвестной мысли» о разделе между мечтой и действительностью и о двух возможных выходах из этого разлада.

Перед тем как цитировать Писарева, Ленин иронически упоминает имя А. Мартина, запрещающего «мечтать» «без предварительного опроса комитетов партии», и это упоминание позволяет установить связь этого места с вопросом «как же берет установленные факты за критерий для определенного решения конкретного вопроса».

В книге «Что делать?» Ленин цитирует отрывок из статьи Писарева «Промысел неизвестной мысли» о разделе между мечтой и действительностью и о двух возможных выходах из этого разлада.

Перед тем как цитировать Писарева, Ленин иронически упоминает имя А. Мартина, запрещающего «мечтать» «без предварительного опроса комитетов партии», и это упоминание позволяет установить связь этого места с вопросом «как же берет установленные факты за критерий для определенного решения конкретного вопроса».

В книге «Что делать?» Ленин цитирует отрывок из статьи Писарева «Промысел неизвестной мысли» о разделе между мечтой и действительностью и о двух возможных выходах из этого разлада.

Перед тем как цитировать Писарева, Ленин иронически упоминает имя А. Мартина, запрещающего «мечтать» «без предварительного опроса комитетов партии», и это упоминание позволяет установить связь этого места с вопросом «как же берет установленные факты за критерий для определенного решения конкретного вопроса».

В книге «Что делать?» Ленин цитирует отрывок из статьи Писарева «Промысел неизвестной мысли» о разделе между мечтой и действительностью и о двух возможных выходах из этого разлада.

Перед тем как цитировать Писарева, Ленин иронически упоминает имя А. Мартина, запрещающего «мечтать» «без предварительного опроса комитетов партии», и это упоминание позволяет установить связь этого места с вопросом «как же берет установленные факты за критерий для определенного решения конкретного вопроса».

В книге «Что делать?» Ленин цитирует отрывок из статьи Писарева «Промысел неизвестной мысли» о разделе между мечтой и действительностью и о двух возможных выходах из этого разлада.

Перед тем как цитировать Писарева, Ленин иронически упоминает имя А. Мартина, запрещающего «мечтать» «без предварительного опроса комитетов партии», и это упоминание позволяет установить связь этого места с вопросом «как же берет установленные факты за критерий для определенного решения конкретного вопроса».

В книге «Что делать?» Ленин цитирует отрывок из статьи Писарева «Промысел неизвестной мысли» о разделе между мечтой и действительностью и о двух возможных выходах из этого разлада.

Перед тем как цитировать Писарева, Ленин иронически упоминает имя А. Мартина, запрещающего «мечтать» «без предварительного опроса комитетов партии», и это упоминание позволяет установить связь этого места с вопросом «как же берет установленные факты за критерий для определенного решения конкретного вопроса».

Марк СОБОЛЬ

ЗОРЯНКА

Лягушка на тихом полустанке...
Лето.
Соловьи.
Светло в три.
В сказке говорится о Зорянке,
Синглазой дочери зари.

Вот и довелось мне стать влюбленным,
Сказком захваченным в полю,
Где остановился запыленный
Вонинский тяжелый эшелон.

Может быть, поднявшись спозаранку,
Где-то и сегодня, как тогда,
Светлая красавица — Зорянка
Дальние встречают поезд.

Может быть, совсем в другие даты,
По путям бесчисленных войн,
На меня похожие солдаты
В девушку Зорянку влюблены.

Может быть, земляк, водитель танка,
Кратко доложивший — «Всё готово»,
Хочет, чтобы слушала Зорянка
Тишину из первых поездов.

А по картам огненные стрелы —
— На Берлин мечь замесили...
Надо, чтоб Зорянка досмотрела
Девчичьи, загадочные сны.

Девушка на тихом полустанке...
Лето.

Соловьи.
Светло в три.
Дальняя моя, моя Зорянка,
Легкое дыхание зари.

В песне о тебе, неповторимой,
Горе ушибая наповал,
Дальнюю — я звал тебя Мариной,
Светлую — Россией называл.

Действующая армия.

А. КОВАЛЕНКОВ

СОЛНЦЕ

1.

Гордый город — нашей родины душа,
Любовенными стопами хороша.

Хороша своей осанкой блеской,
Светом утренним, воздушной синевой.

Что особено, по-новому взгляни;
Хороши, необычайны эти дни.

Эти дни, когда уходят холода,
Эти дни, что не забудешь никогда.

Время славы — наша молодость свет —
Эти дни, что на века оставят след;

Хороша Москва весною, и подстать
Вы пришли, чтоб победителей встречать.

2.

Надо говорить о том, что будет,
За дождик луны не ослыхай.
А послор — тоже не беда,
Спорят вечно, верят иногда.

Хочешь — верь, а хочешь — спорь со мною,
Будет жизнь твоя совсем иначе,
Не такой, как ты задумал сам,
Время проверяя, по часам.

Если ж ты собою время мерил,
Не часам, а ступу сердца верил,
Не в гостях, в боку бывал хороши,
Значит, лет да сотни проживешь.

Значит, все, что было, не ушло.
Лишь виски немного опалило,
Темную воду не утекло,
Солнцем блещет оконное стекло.

Значит, счастье будет не такое,
Как цветок в безоблачном покое,

Не привал в дороге — тишина да гладь,
Надо с этим лететь, а не стоять.

Ты его найдешь, не почувиши,
Знать друзей и знать врагов научишь,
И об этом сказку сочинят
Или песню сложат... Так-то, брат.

3.

Вновь поговорку: весна-красна
Пробует грат кричать.
Дятлу дулю отдала сосна —
(сердце должно стучать).

Черную ветку руко тронь,
На чудеса дивись:
Лопнула почка, а вней огонь —
Припухла зелень вьюсь.

Золото в жилах берез течет,
Не оттого ль горят,
Светят сережки, где снег и лед
Сгинули час назад.

Синим сияньем пронизан лес,
Врезана хвоя в сини;

Как он вонзик, этот свет и блеск,
Утренняя тепличка?

Может, я выдумал это сам,
Может, все сказка, сон?

Нет, я поверили своим глазам,
Понял простой закон:

Если не знать, как пустыни дни
Горя, разлук, смертей,

Ты не поймешь, что весны огни —
Жизнь горят твоей.

БУДУЩИЕ КНИГИ

Я закончил последнюю книгу стихов «На фронтовых дорогах» — «Kinde teedel», которая вышла из печати в конце 1944 года, и у меня зародилась идея — написать поэму «Рождение героя» — «Saangat sünd». Из-за большой занятости осуществление этой идеи я волей-неволей откладывал на неопределенный время. Известно, что план работы еще не означает ее выполнение; когда мое желание будет выполнено, пока не известно.

За все время (35 лет) моей дружбы с музами я никогда не мог стать полностью профессионалом, — писал стихи и был занят основной профессией. Не располагая сейчас творческим досугом, я все же хочу по мере сил служить литературе —

И. БАРБАРУС (ВАРЕС)

ВСОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Проблемы научной фантастики

Первое творческое собрание секции научно-художественной литературы, посвященное проблемам научной фантастики, состоялось в Москве 15 марта. В гостях у писателей приехали учеными и инженерами-корреспондентами Академии наук СССР — С. Волькович, И. Артоболевский, А. Шубин, А. Опарин, проф. Ю. Фролов, проф. Г. Бабат, проф. Я. Дорфман, заступленный лауреат наук В. Некрасов, И. Марский, кандидаты наук, аспиранты, студенты, учителя, библиотекари.

Доклад К. Андреева был посвящен основным творческим проблемам научной фантастики из их исторического развития. Великий мечтатель Жюль-Верн был классиком этого жанра. В его романах наука впервые стала не случайной декорацией, а основной темой произведений, раскрывающейся в скроме.

Герберт Уэллс представляет другое направление в жанре научной фантастики. Для Уэллса фантастика только средство для пропаганды идей фабианского социализма или технократии, только блестящий пейзаж, умение видеть фантастическое в общем, романтизация науки — в которую он облекает свои социальные и технические утопии.

Нотки пессимизма, защищавшие в произведениях Уэллса, стали основным гоном современной научной фантастики Западной Европы. Романы о гибущих изобретателях-одиночках («Труды»), книги о гибели цивилизации или конце мира (К. Чапек, М. Арден, Н. Роже), пессимистические утопии (Б. Рассел, О. Хаксли) — вот лицо этой литературы.

В Америке научная фантастика развилась очень поздно. Только в годы первой мировой войны началась яркая писательница Мария Беккер («Роман о войне»). В современной американской литературе исчезают границы между фантастическим

Роман об Александре Невском

На 25-м собрании секции художественно-исторического жанра В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

На собрании секции художественно-исторического жанра В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.

В. Ян рассказал о работе над третьей частью своей трилогии, начавшейся романами «Чингис-хан» и «Батый». В заключительной ее части «Александр Беспокойный» (Невский) и Золотая орда» автор стремится дать читателю образ великого политика и полководца, одного из первых собирателей русского государства, подготовившего борьбу против татарского ига.